

Брошюра (сколько листов? ответ на этот вопрос *немедленно же*) должна сначала появиться *анонимно*, чтобы публика думала, что ее автором является один из видных генералов. Во *втором* издании, которое, несомненно, появится, если вещь выйдет своевременно, ты в предисловии из шести строчек назовешь себя. Тогда это будет триумфом для нашей партии. В «Предисловии»^{*} я воздаю тебе кое-какие почести; тем лучше будет, если ты сейчас же вслед за этим сам выступишь на сцену.

Собаки из среды демократов и либеральные негодяи увидят, что мы — единственные люди, которые не поглупели в проклятую мирную эпоху.

Номера «Tribune» ты будешь теперь получать регулярно. До сих пор *ни одна* из военных статей не напечатана. Первую, которую ты написал уже давно, г-н Дана *не* напечатал, но сделает это, вероятно, теперь. Со мной они тоже постоянно поступают так. Часто эти ослы лишь спустя три месяца убеждаются, что мы им правильно предсказали события, и тогда они печатают соответствующие статьи.

Адрес моего зятя^{**} правильный. Только он забыл прибавить Сити (рядом с главным почтамтом). Однако я думаю, что теперь он сам будет в Манчестере и сам даст о себе сведения.

Привет.

Твой К. М.

*Впервые опубликовано в книге:
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels
und K. Marx». Bd II. Stuttgart, 1913*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

192

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 25 февраля 1859 г.

Дорогой Энгельс!

Пишу тебе сегодня вечером снова, так как время не ждет. Я внутренне убежден, что *после моего письма Лассалью*^{***} Дункер брошюру^{****} возьмет. Правда, после прибытия моей рукописи^{*****} еврейчик Браун^{*****} мне ни разу не написал,

^{*} Предисловие к работе К. Маркса «К критике политической экономии». *Ред.*

^{**} — Юты. *Ред.*

^{***} См. настоящий том, стр. 474—475. *Ред.*

^{****} Ф. Энгельс. «По и Рейн». *Ред.*

^{*****} К. Маркс. «К критике политической экономии». *Ред.*

^{*****} — Лассаль. *Ред.*

а прошло уже свыше четырех недель. С одной стороны, он был занят изданием одного из своих собственных бессмертных «зажигательных» произведений³⁹⁰ (однако же то, что написал еврейчик, даже его «Гераклит», хотя он и написан очень скверно, лучше всего того, чем могут похвастать демократы), а затем ему, вероятно, придется взять на себя последнюю корректуру моей работы. Во-вторых, косвенно мой анализ денег нанес ему страшный удар по голове, который, вероятно, порядком оглушил его. А именно, он сделал к «Гераклиту» следующее примечание — привожу тебе его дословно, несмотря на то, что оно длинное до бесконечности (но тебе следует тоже его прочесть):

«Если мы выше сказали, что Гераклит показал в том фрагменте истинную политико-экономическую природу и функцию денег» (а именно, там Гераклит говорит «*πλοῦς τ' ἀνταμιβεσθαί παύτα χαί πῦρ ἀλαύτων, ὠσπερ χρυσὸν χρῆματα, χαί χρῆματα ἢ χρυσόν*»), «то, конечно, излишне говорить о том, что мы его тем самым еще не считаем политико-экономом и, следовательно, далеки также от мысли, будто он сделал какой-то дальнейший вывод из этого фрагмента. Но хотя этой науки тогда совсем не существовало и существовать не могло и, следовательно, предметом гераклитова мышления она не была, все же верно, что Гераклит, именно потому, что он никогда не придерживался рефлексивных определений, а шел исключительно путем спекулятивных понятий, познал в этом фрагменте сущность денег в ее действительной глубине, и более правильно, чем многие современные экономисты. Быть может, будет не совсем безынтересно убедиться — и это не лишено связи с трактуемым предметом, как это могло бы показаться с первого взгляда, — как из простого последовательного развития вышеупомянутой мысли *само собой* вытекают современные открытия в этой области» (*Nota bene* ** Лассаль ни черта не смыслит в этих открытиях.)

«Если Гераклит рассматривает деньги как средство обмена, в *противоположность* всем участвующим в обмене реальным продуктам и лишь в этой функции видит их *истинное бытие*» (я подчеркиваю то, что подчеркнуто самим Лассалем), «значит деньги, как таковые, не являются даже продуктом, наделенным самостоятельной вещественной стоимостью, не являются наряду с другими товарами тоже *товаром*, каковым школа Сэя еще и поныне упрямо считает металлические деньги» (великолепная континентальная иллюзия, будто бы существует школа Сэя), «а являются только идеальным *представителем* реальных обращающихся продуктов, их *знаком стоимости*, который только *их обозначает*. И это отчасти следствие, вытекающее из фрагмента, отчасти же является скрытой мыслью самого Гераклита.

Но если *все* деньги — только идеальное единство, или выражение стоимости, всех реальных обращающихся продуктов, и *свое действительное бытие они обретают лишь в этих продуктах*, которые в то же время составляют их *противоположность*, то уже из простого следствия этой мысли следует» (прекрасный стиль: «следует из простого следствия!»), «что сумма стоимостей, или богатство страны, может быть увеличена только посред-

* — «Огонь превращается во все, и все превращается в огонь, как золото превращается во все вещи, а все вещи превращаются в золото». *Ред.*

** — Заметь себе. *Ред.*

ством увеличения реальных продуктов, но никак не путем увеличения денег, так как деньги, сами по себе не являясь каким-либо элементом богатства и стоимости» (теперь мы имеем богатство и стоимость, а до этого мы имели сумму стоимостей, или богатство), «всегда выражают только, в качестве абстрактного единства, заложенную в продуктах» («тоже прекрасное место»), «и только в них одних действительно существующую стоимость. Отсюда ошибка системы торгового баланса» (это достойно Руге). «Далее следует, что все деньги всегда равны по стоимости всем обращающимся продуктам, так как только деньги объединяют их в идеальное единство стоимости и тем самым выражают их стоимость; таким образом, увеличение или уменьшение наличной суммы денег никогда не затрагивает стоимость этой общей денежной суммы, всегда равную совокупности обращающихся продуктов; строго говоря, стоимость всех денег нельзя сопоставлять со стоимостью всех обращающихся продуктов, потому что при подобном сопоставлении стоимость денег и стоимость продуктов мыслятся как две сами по себе самостоятельные стоимости, тогда как существует только одна стоимость, которая конкретно реализуется в материальных продуктах и находит свое выражение в деньгах в качестве абстрактного единства стоимости, или, вернее, сама стоимость есть не что иное, как единство, абстрагированное из действительных вещей, в которых она, как таковая, не находится, специфическое же ее выражение дано в деньгах. Таким образом, не просто стоимость всех денег остается равной стоимости всех продуктов, а, вернее, все деньги суть» (это двойное подчеркивание принадлежит самому Лассалю) «только стоимость всех обращающихся продуктов. Из этого тем самым следует, что при увеличении количества монет, поскольку стоимость всей суммы остается одинаковой, должна всегда падать только стоимость отдельной монеты, а при уменьшении их количества стоимость каждой монеты должна точно так же снова возрастать. Далее следует, что, так как деньги представляют собой только нереальную мыслительную абстракцию стоимости в противоположность реальным продуктам и материи, то деньги, как таковые, не нуждаются в том, чтобы иметь в самих себе какую-либо реальность, то есть состоять из какого-либо действительно ценного вещества, но с таким же успехом могут быть деньгами бумажными, и именно в этом случае наиболее отвечают понятию о них. Все эти и многие другие выводы, добытые совсем другим путем только со времен исследований Рикардо и далеко еще не нашедшие всеобщего признания, вытекают как простое следствие из спекулятивного понятия, познанного Гераклитом»³⁹¹.

Я, разумеется, оставил без всякого внимания эту талмудистскую мудрость, но сильно разделал Рикардо за его теорию денег, которая, кстати, ведет свое происхождение не от него, а от Юма и Монтескье. Таким образом, Лассаль мог воспринять это место как задевающее его лично. В сущности, здесь ничего такого нет, ведь в сочинении против Прудона** я сам придерживался теории Рикардо. Но еврейчик Браун еще раньше написал мне крайне смешное письмо, где говорилось, что он «заинтересован

³⁹¹ Немецкая поговорка, использованная в комедии-сказке Тика «Кот в сапогах» и в ряде произведений Гейне («Тангейзер», «Бывший страж ночей», «Вознесение») *Ред.*

** К Марксу. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» *Ред.*

в скорейшем выходе моего сочинения, *хотя* сам он в настоящее время работает над большим политико-экономическим трудом», на который «решил затратить два года». Но если окажется, что я «предвосхитил у него слишком много нового, то, быть может, он от всего этого дела откажется». Хорошо! Я ответил на это, что бояться соперничества нечего, так как в этой «новой» науке хватит места и ему, и мне, и еще десятку других^{*}. Из моего изложения вопроса о деньгах он должен теперь понять, что либо я ничего в этом не смыслю, но тогда вместе со мной грешат все прежние теории денег, либо же что сам он осел, который, имея в запасе пару отвлеченных фраз, вроде «отвлеченного единства» и т. п., берется судить об эмпирических вещах, которые нужно еще долго изучать, чтобы иметь право о них судить. Поэтому в глубине души он, быть может, не очень восторженно относится ко мне в данный момент. Но — и это я особенно хотел подчеркнуть — Лассаль, во-первых, действительно слишком заинтересован «в этом деле» и, во-вторых, он слишком «Эфраим Премудрый», чтобы любой ценой не держаться нас, что ему особенно необходимо ввиду его ссоры с дюссельдорфцами^{**}. В то же время его пребывание в Берлине убедило его, что с буржуазной партией такому энергичному парню, как он, делать нечего³⁹².

Итак, при умелом обращении с ним человек этот будет наш с руками и ногами, сколько бы «зажигательных» коленцев он ни выкидывал и сколько бы он ни снабжал длиннейшими комментариями Гераклита в наказание за то, что из всех философов тот наиболее сжато выражал свои мысли. По этой же причине я *уверен*, что в случае надобности он *заставит* Дункера взять твою брошюру. Впрочем, я так составил мое письмо к нему, что он сможет показать его Дункеру. В действительности оно написано для Дункера, а не для Лассалья, хотя Эфраим, несмотря на свою мудрость, едва ли это заметит.

Итак, я считаю *несомненным*, что Дункер брошюру возьмет, и поэтому самое важное теперь, чтобы ты *сейчас же* взялся за нее, ибо это все равно, что газетная статья. Времени терять нельзя. По той же причине, — чтобы брошюра сразу оказала влияние, — я думаю, что ты не должен выходить за пределы четырех-пяти листов (если такой объем необходим). Поэтому, пока эта вещь не будет кончена, я считаю тебя совершенно свободным от работы для «Tribune» (если еще до твоей брошюры не произойдут какие-либо военные события, что мало вероятно). *Самое разумное* было бы объявить, что ты внезапно заболел,

^{*} См. настоящий том, стр. 462—463. *Ред.*

^{**} См. настоящий том, стр. 20—22 и 24. *Ред.*

и перестать ходить в контору, чтобы написать эту вещь в один присест.

Amicus Engels Senior, amicus Ennen (Gotofredus!), sed magis amicum το ροναίν^{*},

«φευ, φευ, φρονειν ωζ δεινον, ενθα μη τελη
λυει φρονουντι»^{**}.

Последнее может сказать тебе твой старик^{***}, как Тиресий царю Эдипу, на что, однако, ты ответишь ему, что

«εν τοιζ χερδεσι
μονον δεδορχε, την τεχνην δεφυ τυφλοζ»^{****}.

Привет.

Твой К. М.

*Впервые опубликовано в книге:
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels
und K. Marx». Bd. II, Stuttgart, 1913*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

193

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 3 марта 1859 г.

Дорогой Энгельс!

Как видишь из прилагаемого письма Лассаля³⁹³, я хорошо разбираюсь в своих людях и знаю, как с ними обращаться.

По поводу же самого письма следующие замечания:

1) Ты, право, должен последовать моему совету и *на несколько дней совершенно бросить контору*. Я, разумеется, изложил ему дело так, будто бы я уже читал твою рукопись^{****}. Двумя днями раньше или позже — это не имеет значения, но если ты будешь работать только по вечерам, то закончить *вовремя* ты не успеешь.

2) При твоём положении ты не можешь согласиться на ничтожный гонорар, а даже только *honoris causa*^{*****} должен сделать выбор в пользу половины чистой прибыли.

3) Считаю вполне разумным указание Лассаля насчет того, чтобы ты ему лично (F. Lassalle, 131, Potsdamer Strase, Berlin)

* — Мне друг Энгельс-старший, друг Эрмен (Готфрид!), но еще больший друг знание (перефразировка приписываемого Аристотелю высказывания о Сократе, вошедшего в употребление в виде изречения «Платон мне друг, но истина еще больший друг»). *Ред.*

** — «Увы! Как страшно знать, когда от знания нет пользы нам» (Софокл. «Царь Эдип», эпизодий первый). *Ред.*

*** — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

**** — «в одной лишь корысти зряч, в гаданьях же — слепец» (Софокл). *Ред.*

***** Ф. Энгельс. «По и Рейн». *Ред.*

***** — ради престижа. *Ред.*